

Александр Устинович Порецкий

Наши домашние дела

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Александр Устинович Порецкий

Наши домашние дела / Александр Устинович Порецкий – М.: Книга по Требованию, 2011. – 374 с.

ISBN 978-5-4241-1930-9

Публицистические заметки Порецкого Александра Устиновича (1819 - 1879). Писатель окончил курс в Казанском университете. Редактировал "Воскресный Досуг" и (официально) "Эпоху" братьев Достоевских. Писал и стихотворения, из которых детская песенка "Вот попалась, птичка, стой" чрезвычайно популярна.

ISBN 978-5-4241-1930-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

НАШИ ДОМАШНЯЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМѢТКИ

"Время", № 7, 1861

Недавнее прошедшее и проводы Пирогова изъ Киева

Было время, о которомъ по преимуществу и съ особеннымъ чувствомъ можно сказать вмѣстѣ съ Грибѣдовымъ:

"Свежо преданіе, да вѣрится съ трудомъ"

это то время, когда мы знали, что въ иныхъ земляхъ существовать понятіе, выражаемое словами: "l'opinion publique", и что это выраженіе, если бы понадобилось, можно очень вѣрно и точно перевести на русскій языкъ словами: "общественное мнѣніе". Такъ его и переводили, когда заходила рѣчъ и чужеземныхъ понятіяхъ; тамъ же, где рѣчъ шла о нась и о нашихъ понятіяхъ, такого перевода дѣлать не приходилось... Удивительное было время! Вѣдь общественное мнѣніе есть мнѣніе большинства о какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ или общественномъ дѣятельѣ; большинство было, и каждый членъ его думалъ же что-нибудь о томъ, что онъ зналъ; а общественного мнѣнія все-таки не обрѣталось. Думалъ каждый про себя и не зналъ, также ли думаетъ его землякъ: Кострома не знала, какъ думаетъ Пенза, Пенза не знала, какъ думаетъ Кострома, а Петербургъ не зналъ мнѣній Костромы, Пензы и всѣхъ иныхъ. Тихо, какъ-будто неслышимо и невидимо, текли общественный дѣлъ; въ глубокомъ безмолвіи взирало большинство на строй общественныхъ дѣятелей, различая ихъ болѣе или менѣе твердо по именамъ, и несомнѣнно твердо по титуламъ; взирая на этотъ строй, оно видѣло болѣе или менѣе блестящія одежды, болѣе или менѣе ясные атрибуты титуловъ; но за одеждами не могло разглядѣть лицъ, за титулами — человѣческихъ характеровъ. Смотря по тому, въ виду какой части большинства дѣйствовалъ и на какую долю его вліяль извѣстный общественный дѣятель, эта доля составляла отдельную группу съ своими загаенными мнѣніями, симпатіями и антипатіями, не зная, не думая и не заботясь о мнѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ другихъ подобныхъ группъ. Смутно, неясно и несвязно, какъ ночные грезы, носились подъ чась эти мнѣнія, симпатіи и антипатіи изъ одной группы въ другую и принимались безуточно, какъ во снѣ. И эта ночь, полная грезъ и призраковъ, лежала надъ всею объятою тревожнымъ сномъ массою большинства; оно почивало, крѣпко сомкнувъ вѣжды, и только порою вздрагивало и лепетало подъ вліяніемъ сновъ и призраковъ, блестящихъ, но безличныхъ, знакомыхъ и въ тоже время незнакомыхъ ему...

Не знакома ли вамъ, читатель, эта молчаливая картина общественного положенія? Вы, можетъ быть, уж не видите ея вкругъ себя; но, какъ бы молоды вы ни были, она должна быть знакома вамъ по воспоминанію, по преданію...

"Свежо преданіе, да вѣрится съ трудомъ"!..

Преданіе говорить, что въ то время мудрено было выдвинуться изъ ряда общественному дѣятелю, что ни у одного изъ нихъ и не было особенной охоты выдвигаться въ глазахъ массы; что тогда надъ всѣми проходилъ общий уровень, и подъ нимъ двигались разныя фигуры, дѣйствуя по заведенному порядку, по

данной инструкції, не внося въ дѣло собственныхъ умственныхъ и сердечныхъ особенностей; а если иные вносили, то потихонъку и съ цѣлями тоже особенностями, личными и домашними, и это вношеніе было такого рода, что ужъ лучше было его и не было; были конечно немногія исключенія, были люди, не подходившіе подъ уровень, не умѣвшіе двигаться по заведенному порядку; но они зато и совсѣмъ не двигались: они уходили отъ общественной дѣятельности и *повидимому* забывались, а потому тихо сходили и теперь еще по временамъ сходяты въ могилу, напутствуемые короткими и сухими некрологами... Мы не помѣщаемъ такихъ некрологовъ, хотя удерживаемъ за собою личное право уважать память исключительныхъ, выходившихъ изъ ряда личностей. Исторія выберетъ изъ нихъ достойнѣйшихъ и въ свое время поставитъ на принадлежащія имъ мѣста... Преданіе говоритъ, что въ то время не было общественного мнѣнія, потому что оно составляется изъ дружнаго сліянія миллионовъ отдѣльныхъ личныхъ мнѣній, а такого сліянія тогда образоваться не могло: для этого нуженъ гласный обмѣнъ мыслей и чувствъ, нужно громкое ихъ выраженіе, которое было не принято; публичные органы, существовавшіе въ опредѣленномъ числѣ, оставались въ этомъ отношеніи праздными; а новымъ, съ свѣжими силами органамъ, по словамъ преданія, возникать было неудобно и затруднительно... Вътъ недавно, очень недавно, уже въ наше, настоящее время, когда вдругъ появились десятки объявленій все о новыхъ общественныхъ органахъ, намъ даже стало смѣшно: "что это? заговорили мы, откуда ихъ столько, какъ грибовъ послѣ дождя? ужъ не слишкомъ ли много? кто же читать-то ихъ будетъ?"... Такъ странно показалось намъ съ непривычки такое явленіе! Поговорили, посмѣялись, головами покачали... А теперь уже и не смѣемся; а если иногда и засмѣемся, то никакъ не надѣть появленіемъ новыхъ органовъ, а только надѣть ихъ исчезновеніемъ: засмѣемся, когда вдругъ упорхнетъ изъ руки какая-нибудь «Ласточка», пропадетъ безъ вѣсти "Дамскій Вѣстникъ" или «Современность» окажется анахронизмомъ. Впрочемъ иныя исчезновенія возбуждаютъ не смѣхъ, а скорѣй горькую улыбку. Но когда рождаются новые органы — намъ не странно; мы встрѣчаемъ ихъ не съ удивленіемъ, а съ привѣтливой улыбкой, какъ дорогихъ и пріятныхъ гостей; мы уже не спрашиваемъ, кто ихъ будетъ читать, и не имѣемъ причины дѣлать этотъ скептическій вопросъ въ виду такихъ фактовъ, какой представляеть напр. городъ Шуя, гдѣ, по увѣренію мѣстного корреспондента, въ 1859 году получалось разныхъ газетъ и журналовъ 246 экземпляровъ, въ 1860 году 293 экземпляра, а въ нынешнемъ 1861-мъ дошло это число до 350... Мы рады новымъ органамъ, кто бы они ни были — столичные ли уроженцы или иногородные; намъ стали нужны иногородные "вѣстники", намъ стали нужны вѣсти отсюду. Намъ не странно было услышать изъ Симбирска о "Волжскомъ Вѣстнике", не странно и теперь узнать, что въ Кронштадтѣ будетъ съ 1-го ноября нынѣшнаго года издаваться "Кронштадтскій Вѣстникъ", а въ Астрахани съ 1-го января 1862 года «Волга»; что первый предполагаетъ быть "органомъ всѣхъ мѣстныхъ явленій и событий общественной жизни, а также будетъ посвященъ морскому дѣлу и всему, что имѣеть къ нему близкое отношеніе"; вторая — "посвящается исключительно промышленнымъ интересамъ прикаспійскаго края, собираюю статистическихъ данныхъ по торговой и промышленной дѣятельности Поволжья и волжско-каспійскаго пароходства".

Все это теперь кажется намъ естественно, нужно, необходимо; но въ то время,

о которомъ мы сохранили свѣжее преданіе, новые мѣстные общественные органы казались, говорять, почти невѣроятными.

Не подумайте однако, читатель, что мы начали рѣчь о нашемъ свѣжемъ преданіи по поводу объявленій о новыхъ журналахъ. Нѣтъ! они намъ попались уже къ слову, случайно и неожиданно; заговорили же мы подъ вліяніемъ другого, болѣе разительного и сильнѣе дѣйствующаго на душу явленія: именно подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ рассказами о томъ, какъ Кіевъ и кіевской учебный округъ прощались съ бывшимъ попечителемъ этого округа Н.И.Пироговыемъ. Это прощаніе, эти проводы, описаны въ особой, изданной въ Кіевѣ брошюре, извлеченія изъ нея помѣщены въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ, такъ что вся читающая Россія уже знаетъ теперь или узнаетъ на дняхъ, что Кіевъ и кіевской учебный округъ смотрѣли на удаленіе отъ нихъ Пирогова какъ на общее лишеніе, на общую утрату; что имъ въ этомъ глубоко сочувствовали Петербургъ, Москва, Казань, Харьковъ, Одесса и другіе города; что эти сожалѣнія обѣ утратѣ и сочувствія высказались чистосердечно и громко — одни въ произнесенныхъ въ Кіевѣ рѣчахъ, другія въ переданныхъ туда изъ разныхъ мѣстъ телеграммахъ, и что стало быть здѣсь послѣдовало сліяніе мыслей и чувствъ огромнаго большинства обѣ одномъ общественномъ дѣятелѣ; узнала это читающая Россія, и общественное мнѣніе о человѣкѣ опредѣлилось; теперь его всѣ знаютъ, теперь онъ всѣмъ знакомъ... Отчего же это случилось? Отчего успѣли его такъ узнать? Оттого, что онъ внесъ въ общее дѣло свою человѣческую личность, свое неизмѣнное, честное убѣженіе, и его узнали какъ человѣка...

Но что же такое сдѣлалъ Н.И.Пироговъ! Чѣмъ онъ возбуждалъ къ себѣ это общее влечение? За что его благодарить и любить? Все это откровенно и непрітворно высказано ему самому на прощаныи. 4-го апрѣля кіевское ученое сословіе давало прощальныи обѣдь Пирогову, а на обѣдѣ говорили свои прощальные слова — профессоръ университета, учителя гимназій, представитель студентовъ, представитель евреевъ, и наконецъ профессоръ Шульгинъ сдѣлалъ "наглядный сводъ того, о чѣмъ говорили его предшественники"; онъ перечислилъ дѣла Пирогова, и -

"Вотъ дѣла эти:

"1) Конкурсовый порядокъ замѣщенія каѳедръ въ университетѣ и въ средніхъ учебныхъ заведеніяхъ округа; 2) первый осуществленный планъ педагогической семинаріи, который легъ въ основу нынѣшнихъ педагогическихъ курсовъ; 3) специализація отдѣловъ историко-филологического факультета — на исторической, классической филологии и славяно-русской филологии; 4) правила о судѣ надъ студентами; 5) устройство студентской библіотеки и лекторіи, и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ; 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совѣтовъ; 7) преобразованіе окружного циркуляра въ замѣчательное педагогическое изданіе; 8) правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ; 9) совершенное преобразованіе гимназическихъ испытаній; 10) литературная бесѣды учениковъ; 11) воскресная школы; 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній.

"Довольно кажется совершено въ два съ половиною года", говорить г. Шульгинъ, сдѣлавъ этотъ перечень, и затѣмъ продолжаетъ:

"Но не въ видимой ломкѣ старого и не въ видимой постройкѣ новаго, не въ кипахъ бумаги, исписанной правилами и постановленіями, заключается тайна

вліянія передовихъ людей. Она заключается въ томъ живительномъ духѣ, которыемъ избранныя личности воодушевляютъ и лица и учрежденія, отъ нихъ зависяція. Всѣмъ намъ извѣстно, что первый вопросъ, который ставилъ Николай Иванычъ при имени каждой науки, былъ вопросъ о томъ, какую образовательную силу имѣеть эта наука, и какъ приложить эту образовательную силу къ дѣлу. Всѣмъ намъ извѣстно, что при каждомъ удобномъ случаѣ, всѣми средствами, какими располагалъ онъ, старался Николай Иванычъ вызвать къ самодѣятельности и непочатые, свѣжія силы младшаго, и, можетъ быть, уже сталья силы старшаго поколѣнія. Въ этихъ двухъ началахъ — великая заслуга Пирогова, въ нихъ жизненный нервъ образованія вообще и гуманнаго образованія въ особенности.

"Но гдѣ же слѣды этой дѣятельности, этого великаго вліянія? спросять быть можетъ люди, которымъ духовное вліяніе видно только тогда, когда на него пальцемъ ткнешь.

"А хотѣ бы въ словахъ этого студента, недавно гимназиста, такъ разумно со- знающаго отношеніе ученика къ наставнику и обществу, и такъ благородно признающаго, кому онъ этимъ сознаніемъ обязанъ...

"А развѣ не указываетъ на вліяніе Пирогова еврей, предлагающій пособіе бѣднымъ студентамъ — евреямъ и христіанамъ безъ различія?..

"А этотъ наконецъ представитель евреевъ, только что провозгласившій отъ ихъ имени тостъ за образованіе христіанъ, имѣющихъ такого представителя человѣчности въ Пироговѣ?...

"Кстати о человѣчности. Вы украшены титуломъ превосходительства, Николай Иванычъ! Рѣдко кто изъ насъ называлъ васъ этимъ титуломъ. А между тѣмъ, никогда не величая васъ превосходительствомъ, я теперь, на прощаныи, громко и смѣло скажу, что другого титула вамъ нѣтъ и быть не можетъ. "Онъ быль великий король!" говорить у Шекспира Горацио про отца Гамлетова. "Человѣкъ онъ быль изъ всѣхъ людей, какихъ намъ доводилось видѣть"! отвѣчаетъ ему Гамлетъ.

"Вотъ въ этомъ-то смыслѣ вы превосходительство: вы превосходите, какъ человѣкъ, многихъ и многихъ людей у насъ на Руси, гдѣ еще съ Діогеновыми фонаремъ, среди бѣла дня, нужно искать человѣка. Имѣя честь быть членомъ факультета, кругъ наукъ котораго носить по преимуществу название человѣчныx (humaniora), я почитаю долгомъ заявить, что великий медикъ являлся въ отношеніи къ гуманному факультету вполнѣ гуманнымъ человѣкомъ.

"Но пора намъ разстаться... Вамъ, чтобы вдали отъ насъ наслаждаться благороднымъ сознаніемъ исполненного долга и продолжать тѣ благие труды, которые вы развѣ съ послѣднимъ вздохомъ прекратите. Намъ для того, чтобы грустить и сожалѣть... о комъ? да хоть о сомихъ себѣ сожалѣть...

"Отецъ и учитель! Завѣщай мнѣ только духъ твой"! говорилъ сынъ умирающему Гердеру, отрицаясь отъ всякаго другого наслѣдства. Съ тою же просьбою обращаемся и мы къ вамъ Николай Иванычъ. Оставьте намъ духъ вашъ, ваши стремленія, вашу высокую человѣчную и гражданскую доблѣсть."

Чтобы еще ярче представить личность Пирогова и дать понять тайну общаго сочувствія къ нему, — довольно привести нѣсколько словъ изъ его отвѣтной рѣчи. Онъ началъ ее тѣмъ, что сочувствіе, которое ему оказывають, относится столько же къ нему, сколько и къ самимъ сочувствующимъ; что они сочувствуютъ его взглядамъ на жизнь, науку и школу, но эти взгляды столько же его, сколько и ихъ

собственныйя.

"Вся моя заслуга, дающая мнѣ право на ваше сочувствіе, говорилъ онъ пото-
мъ, состоять только въ томъ, что я угадаль васъ.

"...понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы, какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и
въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и въ старицѣ, не
уважать человѣческое достоинство, нравственную свободу человѣческаго духа
и личность?

"Угадавъ и понявъ васъ, проходить наши общія убѣжденія было мою первою
обязанностію.

"Судить о томъ, какъ я, слѣдовательно и вы, исполнио эту обязанность,
значило бы судить о самихъ себѣ.

"Такой судъ не можетъ быть беспристрастнымъ.

"Время обсудить и оцѣнить лучше нашего и наши убѣжденія, и наши дѣйствія;
а мы, разставаясь, утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, - гдѣ все происходитъ,
— есть для настъ одно неразрушимое — это госодство идей. И потому, если мы
вѣрно служимъ идеѣ, которая, по нашему твердому убѣждению, вела настъ къ
истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ време-
ни не унесеть ея вмѣстъ съ нами."

8-го апрѣля Н.И.Пироговъ прощался съ студентами университета. Изъ того,
что онъ говорилъ имъ при этомъ, мы возьмемъ нѣсколько фразъ, которыя харак-
теризуютъ его уже вполнѣ и которыя такъ хороши, что ихъ полезно узнать и за-
помнить всѣмъ и каждому. Онъ говорилъ:

"Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою
молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня по напрасну. Отъ
этого я, старясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить
и, главное, уважать ее..."

"Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею под-
держивать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ моло-
дости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ
страха и безъ задней мысли, я принялъ за трудное, но высокое и благородное
дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда, помня и любя время моего обра-
зованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминаль и тѣ стремленія, которыя
меня тогда одушевляли; вспоминая, уважаль ихъ въ себѣ. Я невольно переноси-
ль ихъ и на васъ, и въ васъ любиль и уважаль тоже самое, что привыкъ любить
и уважать въ самомъ себѣ..."

"Я зналъ, что не многіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую моло-
дежь и университетскую жизнь вообще; зналъ наконецъ и тобъ что меня будутъ
обвинять въ слабости, въ неумѣніи, и въ гоньбѣ за популярностью; но все это не
могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ
дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ ея
благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому-
что не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило бы для меня пе-
рестать жить. Я остался мною и, разставаясь съ вами, уношу тѣ же убѣжденія,
которыя принесъ къ вамъ, которая никогда ни отъ кого не скрывалъ, потому-
что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій."

9-го апрѣля прощалось съ Пироговымъ за объдомъ кіевскаго общества. Здѣсь
отцы семействъ благодарили его за своихъ дѣтей; иностранецъ выразилъ удив-

леніе, возбужденное въ немъ простотой обхожденія Пирогова; говориль еврей Каценъ о нравственномъ вліяніи дѣятельности Пирогова, отразившемся на его соплеменникахъ, живущихъ въ Россіи. Мы остановимся на словахъ г. Кацена.

"Бѣдственная участъ нашего народа въ средніе вѣка, сказаль онъ, оставила насъ въ состояніи человѣка, ошеломленного постоянными несчастіями, мучительными преслѣдованіями; мы такъ были измучены, такъ избиты, что намъ нечего было болѣе бояться, нечего было болѣе повредить въ насъ. наученные опытомъ, мы не могли вѣрить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ облегчить наши страданія. Новая исторія не слишкомъ много сдѣлала для того, чтобы вывести насъ изъ этого нравственного оцѣненія, этого гибельного недовѣрія ко всему неевропейскому. Правда, орудіе было другое: въ среднихъ вѣкахъ — физическая сила, въ новыхъ — низшая степень гражданскихъ правъ. Разумѣется, время и цивилизациі взяли свое: образованное меньшинство успѣло примириться съ настоящимъ, и съ любовію и надеждой протягиваетъ руку потомкамъ, забывъ вину предковъ; но для того, чтобы возбудить это чувство довѣрія въ массѣ къ окружающей ее средѣ, нужна была личность, не только одинаково сочувствующая интересамъ всѣхъ народностей, но и привязанная къ нашему бѣдному, страдальческому племени особымъ чувствомъ страданія, снисходительности къ его слабостямъ, какъ къ необходимымъ послѣдствіямъ исторического хода событій, нужна была личность свѣтлая, высоконравственная, нужны были вы, Николай Иванычъ! Вы это и сдѣлали. Ваше имя, имя русскаго, стало популярнымъ между евреями; вы намъ дали этимъ надежду на сближеніе съ народомъ русскимъ, сближеніе, составляющее задушевное желаніе, самое искреннее стремленіе образованного еврея. Вотъ подвигъ, который вы совершили, вотъ заслуга, за которую ваше имя останется вѣчнымъ памятникомъ въ исторіи развітія еврейского народа."

Мы бы долго не кончили, еслибы вздумали передавать все, что было высказано на прощаныи Н.И.Пирогову Намъ хотѣлось представить только сущность тогоб что пространно развито въ многочисленныхъ рѣчахъ ораторовъ; намъ хотѣлось только уяснить явленіе, раскрыть источникъ общей симпатіи къ этому человѣку и показать примѣръ, какъ можетъ въ наше время подняться въ глазахъ большинства достойная личность и какъ можетъ большинство оцѣнить и поднять своей оцѣнкой достойнаго общественнаго дѣятеля. Намъ хотѣлось наконецъ указать на эту новую характеристическую черту нашего времени, обѣщающую въ будущемъ дальнѣйшее развитіе общественныхъ инстинктовъ.

Сейчасъ привели мы слова сошедшаго съ поприща дѣятеля: "Здѣсь на землѣ есть для насъ одно неразрушимое — это господство идей". Онъ имѣлъ полное, сознательное право произнестъ эту несомнѣнную истину и неразрушимости идей, потомучто подтвержденіе для ней есть въ фактахъ его собственной умственной жизни. Давно уже, впервые заговоривъ о *вопросахъ жизни*, онъ бросиль на свѣтъ мысль о необходимости общечеловѣческаго образованія прежде образованія специальнаго, и отъ этой мысли доходилъ до заключенія, что общее образованіе должно находиться виѣ специальныхъ заведеній, которыя слѣдовательно должны состоять изъ однихъ высшихъ, собственно специальныхъ курсовъ и назначаться для воспитанниковъ уже взрослыхъ. Эта мысль не погибла, и вотъ — осуществленіе ея между прочимъ встрѣчаемъ въ слѣдующемъ новомъ правительственномъ распоряженіи.

При Лѣсномъ Институтѣ и Лисинскомъ Учебномъ Лѣсничествѣ учрежденъ специальный курсъ лѣсоводства, имѣющій цѣлію подготовить для лѣсного управлѣнія людей изъ получившихъ высшее общее образованіе. Съ этою цѣлію къ слушанію курса допускаются окончившіе образованіе въ университетахъ съ степенью кандидата или званіемъ дѣйствительнаго студента, по разрядамъ наукъ: естественныхъ, камеральныхъ, математическихъ, юридическихъ и медицинскихъ (за исключениемъ фармацевтовъ и ветеринаровъ).

При этомъ замѣчается, что въ 1863 году послѣдуетъ совершенное упраздненіе Лѣсного Института, и тогда учрежденный теперь курсъ будетъ обращенъ въ особое специальное лѣсное заведеніе, — *Лѣсную Академію*, — которое сдѣлается единственнымъ, для высшаго образованія по лѣсной части.

Для учрежденаго теперь курса обнародованы и подробныя правила.

Литературные антикваріи и большой вопросъ въ маленькихъ ручкахъ

Мы сказали — истинныя идеи неразрушимы, — въ этомъ конечно вы не сомнѣваетесь, читатель. Онѣ именно неразрушимы, — это ихъ лучшій эпитетъ. Есть у насъ другое слово, но оно къ истиннымъ идеямъ не такъ хорошо идеть. Это слово — живучесть. оно идеть ко многимъ другимъ вещамъ, изъ которыхъ иныя тоже не рѣдко гуляютъ по свѣту подъ именемъ идеи; но эти идеи — самозванцы, перерожденцы, волки въ одеждѣ овчей. Къ нимъ между прочимъ принадлежать разнаго рода фокусы, изобретаемые такъ называемыми остроумными писателями, для достижения различныхъ земныхъ, насущныхъ цѣлей, а иногда даже и цѣлей духовныхъ, какъ напримѣръ для воздвиженія себѣ временнаго миниатюрнаго пьедестальчика, чтобы стать на него въ качествѣ маленькаго божка, крошечнаго идеальчика, показаться, покрасоваться, показать публикѣ фокусъ и потомъ уйти внутрь пьедестальчика, какъ уходить подравшіяся марионетки. Фокусъ заключается иногда въ извѣстномъ взглядѣ на извѣстный предметъ, или даже просто въ извѣстномъ пріемѣ, въ извѣстномъ тонѣ рѣчи, въ извѣстной манерѣ объясняться съ публикой. Подобное изобрѣтеніе большою частію остается во все время своего существованія исключительной привилегіей изобрѣтателя, потомучto его собратья по ремеслу хотя видѣть иногда выгодность фокуса, но съ другой стороны соображаютъ невыгодность немногого уничижительной роли подражателя, и — оставляютъ изобрѣтеніе въ исключительномъ пользованіи изобрѣтателя — одни съ презрѣніемъ, другіе съ завистью и затаенной досадой. Между тѣмъ фокусъ, какъ изобрѣтеніе, имѣетъ характеръ новизны и свѣжести; новизна и свѣжесть привлекательны, онѣ нравятся публикѣ, публика стремится къ нимъ, и изобрѣтатель торжествуетъ, торжествуетъ до тѣхъ поръ, пока публика не присмотрится къ фокусу или не набѣть имъ себѣ оскомини. Тогда можетъ послѣдовать одно изъ двухъ: или молчавшіе дотолѣ собратья ополчатся на пошатнувшагося артиста, произойдетъ жестокая война, которая и кончится тѣмъ, что артиста повалить; или же догадливый артистъ, предупреждая войну, во время закроетъ лавочку, убереть свой пьедестальчикъ и удалится...

Казалось бы, что такъ тому дѣлу должно и кончиться. Но нѣтъ! Вотъ проходятъ годы; туманъ забвенія застилаетъ слѣды удалившагося артиста; мѣсто, гдѣ стоялъ его пьедестальчикъ, уже заросло травой и быліемъ; по немъ гуляютъ другіе

господа, совсѣмъ въ иныхъ костюмахъ, съ иными физіономіями и пріемами... Вдругъ — въ сторонѣ выдвигается изъ-подъ земли угломъ незвѣстный предметъ. Тотчасъ находится господинъ съ призваніемъ антикварія, припадаетъ, собственоручно откапываетъ и извлекаетъ... пьедестальчикъ! Смотрите, дорогая находка уже у него на плечѣ; онъ бѣжитъ за нею, третъ ее, чистить, кроетъ свѣжимъ лакомъ и — онъ уже на пьедестальчикѣ, въ костюмѣ артиста, въ граціозной позѣ. Публика, начавшая было забывать артиста, успѣвшая поддаться другимъ впечатлѣніямъ увлечься другими интересами, видѣтъ что-то блестящее, не узнать знакомаго пьедестальчика, идеть, любопытствуя и любуется, какъ чѣмъ-то новымъ. Конечно ей немного нужно времени на то, чтобы всмотрѣться и разпознать, что это новое — только подновленное и подкрашенное старье; но — вѣдь это пожалуй можетъ повториться и не разъ. Вотъ почему подобнымъ вещамъ слѣдуетъ приписать свойство живучести!

Недалѣе какъ въ прошлѣмъ номерѣ нашего журнала одна статья указала мѣсто, где найденъ и открытъ пьедестальчикъ одного изъ нашихъ бывшихъ наиболѣе искусственныхъ и наиболѣе смѣлыхъ артистовъ — Фаддея Венедиктовича. Но вѣдь это не единственный примѣръ...

Благосклонный читатель, скажите, были ли вы такимъ же какъ теперь благосклоннымъ читателемъ въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка? Мы тогда состояли таковыми; если и вы тоже, то конечно помните, чѣмъ для насы былъ тогда таинственный, красовавшійся нѣкоторое время своей таинственностью баронъ Брамбѣусъ, и какимъ подножіемъ служила ему тогда "Библіотека для чтенія". Если вы молоды такъ, что не помните тогдашней "Библіотеки для чтенія", то не судите по нынѣшней: теперь она уже въ третьихъ или четвертыхъ рукахъ; въ ней съ той поры произведено столько капитальныхъ исправлений и передѣлокъ, что первоначальной постройки и узнать невозможно. Если же вы помните первоначальную "Библіотеку для чтенія", то знаете, что въ ней больше всего и прежде всего читались: такъ называемая *Литературная лѣтопись* и статьи, подписаныя барономъ Брамбѣусомъ; вы знаете, какъ мы носились съ этимъ идоличкомъ, какъ мы хотели и радовались тому, что онъ для насы выдѣлывалъ, съ какимъ наслажденіемъ читали мы его... А скажите, много ли вы вынесли и внесли въ вашу жизнь изъ того, что прочли въ *Литературной лѣтописи* и въ статьяхъ барона Брамбѣуса?.. Но можетъ быть вы съ той только поры и именно по милости барона Брамбѣуса и вступили въ званіе благосклоннаго читателя? — И этого уже довольно, хотите вы сказать. Совершенно справедливо! Помянемте-же собственно за это добрымъ словомъ барона Брамбѣуса и его литературную лѣтопись... Ну, а если бы теперь, когда вы давно уже привыкли быть читателемъ, вдругъ явились къ вамъ вновь и въ видѣ новостей та же или подобная литературная лѣтопись и такія же или подобныя статьи, какія были подписаны барономъ Брамбѣусомъ, — какъ бы вы встрѣтили ихъ? Вы скажете, что этого быть не можетъ, что конекъ, на которомъ ёздилъ баронъ Брамбѣусъ, давно обезножилъ и едва ли обрѣтается въ числѣ живыхъ тварей. Напрасно вы такъ думаете: конька или его оставъ могутъ открыть усердные антикваріи, и та же пѣсня... Да позвольте: уже не раздается ли она и теперь иногда вокругъ васъ, только раздается въ подновленнаго и подкрашеннаго пьедестальчика. Увы! кажется антикваріи упускаютъ изъ вида, что пьедестальчикъ барона былъ такого устройства, что не всякому удобно держаться на немъ. Барону легко было дѣйствовать, потому что

онъ взбирался на него во всеоружії: у него бывали биткомъ набиты всѣ карманы разноцвѣтными камешками его остроумія, и онъ бросаль ихъ въ публику полными горстями, что дѣйствительно произодло отличный минутный эффектъ, и публика рукоплескала, заливаясь весельмъ смѣхомъ. Но если бы не достало матеріала? Если бы у взобравшагося на пьедестальчикъ антикварія оказался этотъ матеріалъ въ маломъ количествѣ и слабаго достоинства, — вѣдь эффекта не было бы и — паденіе, рѣшильное паденіе! Ни что не можетъ быть печальнѣе того позорища, когда кто въ кругу умныхъ людей обнаружить претензію на остроуміе и наличного остромія не предъявить. Произносить человѣкъ фразу, разчитывая на блестящій эффектъ; онъ кончилъ и самъ уже посмѣялся, а собеседники сидятъ молча, безъ улыбки и смотрятъ вопросительно, какъ бы ожидая еще чего-нибудь. А ждать-то ужъ нечего — все! Боже мой! какое тяжолое чувство производить всегда въ нас подобное положеніе! Впрочемъ можетъ быть это наша личная особенность, — мы никому ея не называемъ; можетъ быть вы въ такихъ случаяхъ съ улыбкой и съ удовольствіемъ думаете: по дѣломъ! пусть будетъ стыдно господину, — впередь наука!.. Ну, а если темою для упражненія своего бѣднаго остроумія господинъ избереть такой предметъ, на который большая часть собесѣдниковъ смотрить очень серьезно, съ теплымъ участіемъ слѣдить за его разработкой, и лучшую, истинную его сторону считаютъ свято-неприкосно-венною; и если господинъ примется мазать по всѣмъ сторонамъ этого предмета своимъ остроуміемъ, какъ грязью, подъ которою предметъ тускнѣеть и опошливается, — это уже не можетъ не покоробить васъ. — Все такъ, скажете вы; но къ чему же идеть рѣчъ? гдѣ же видно теперь появленіе изъѣздившагося баронова конька? — Извольте, можно сдѣлать и это указаніе, хотя мы увѣрены, что вы не замѣтили сами вновь появляющагося мѣстами конька потому только, что проходите мимо его безъ всякой вниманія.

Здѣсь однако мы должны сдѣлать маленькую оговорку. Надо вспомнить, что баронъ, оставившій свою первоначальную дѣятельность и не показывавшійся публикѣ въ продолженіе десяти лѣтъ, снова потомъ появился на нѣкоторое время предъ нею; но тутъ онъ появился уже не на томъ конькѣ: тутъ его остроуміе приняло другой оттѣнокъ; оно перестало быть простыми разноцвѣтными камешками, а получило смыслъ, соотвѣтствующій настоящему времени и его потребностямъ (баронъ былъ человѣкъ разумный и съ большимъ тактомъ!).. Мы говорили, конечно, о его первомъ, старинномъ конькѣ.

Что дѣлалъ онъ, въ періодъ своей первоначальной дѣятельности, съ наукой и съ вопросами, — это всѣмъ памятно, и обѣ этомъ мы уже говорить не будемъ. Но не припомните ли напримѣръ его взглядовъ на женщины и характера его глумленія надъ ними? Если припомните это, если припомните его язвительныя, холодныя рѣчи о нихъ, да еще припомните его *Фантастическая путешествія*, а потомъ заглянете... хоть въ *остроумный* фельетонъ "Спб. Вѣдомостей", въ № 100-мъ сего 1861 года, то изъ послѣдняго непремѣнно пахнетъ на васъ чѣмъ-то давно знакомымъ и давно забытымъ; вы тотчасъ разпознаете фасонъ потертаго и обломаннаго пьедестальчика, разпознаете поступь престарѣлого и изѣѣзженаго конька... Тамъ, въ фельетонѣ, видите ли, авторъ сообщаетъ почтеннѣйшей публикѣ разныя безобразныя видѣнія своего магнитическаго сна, изъ которыхъ самымъ безобразнѣйшимъ показалось намъ слѣдующее:

Въ обширной общественной залѣ кто-то читаетъ публичную лекцію "объ